

ОТ ПОЛИТИКИ УБЕЖДЕНИЯ К ДИПЛОМАТИИ

УРОКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КАМПАНИИ ПО ЗАПРЕЩЕНИЮ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛЕНКО

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Резюме

Международная кампания по запрещению ядерного оружия (ИКАН) стала известной благодаря активному участию в разработке и продвижении Договора о запрещении ядерного оружия. Успех кампании связан с тем, что она объединила не только антиядерные неправительственные организации, но и ряд государственных деятелей и дипломатов. ИКАН – «транснациональная сеть убеждения» (ТСУ), сумевшая мобилизовать большое количество государственных и негосударственных акторов. Настоящая статья ставит своей целью изучение феномена этой кампании и выявление особенностей её работы. Источниковой базой исследования стали документы и материалы с официального сайта ИКАН, рабочие документы Конференций Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) по рассмотрению его действия, а также интервью с представителями антиядерных неправительственных организаций (НПО). Новизна исследования заключается в том, что в российский научный дискурс введена новая интерпретация понятия «транснациональная сеть убеждения» и что на примере ИКАН были выявлены основные инструменты и принципы действия ТСУ. Исследование было реализовано в три этапа: 1) анализ деятельности НПО в переговорном процессе ДНЯО; 2) определение особенностей ИКАН как ТСУ, а также основных направлений и методов её работы; (3) выявление проблем и ограничений ИКАН. Отличительная особенность деятельности современных ТСУ состоит в сочетании политики убеждения и экспертизы, позволяющей таким коалициям успешно работать с международными организациями и государствами. ИКАН представляет собой интересный случай, так как в рамках этой кампании произошло совпадение интересов ряда государств и антиядерных НПО. Но при этом остаётся вопрос, насколько долго она сможет функционировать в формате ТСУ и влиять на формирование повестки Конференций ДНЯО. Продвижение идеи запрещения ядерного оружия, а далее и лоббирование подписания и ратификации ДЗЯО (Договор о запрещении ядерного оружия) продемонстрировало, что ИКАН перешла от общественной деятельности к дипломатии путём привлечения в ТСУ государств–членов ДНЯО в ходе переговорного процесса и влияния на формирование повестки дня. Тем не менее есть основания полагать, что ИКАН и её координирующая роль в переговорном процессе ДНЯО может стать менее значимой в силу смещения акцентов и интересов государств и переместиться обратно в сторону общественно-просветительской деятельности.

Ключевые слова:

ИКАН; транснациональная сеть убеждения; ТСУ; режим; ДНЯО; ДЗЯО; НПО; запрещение ядерного оружия; ядерные нормы.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2022

Дата принятия к публикации: 16.03.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: earslanova@urfu.ru

Международная кампания по запрещению ядерного оружия (ICAN, далее – ИКАН)¹ – это транснациональная сеть убеждения (transnational advocacy network, TAN, далее – ТСУ), включающая неправительственные организации (НПО), представителей национальных парламентов и дипломатов, выступающих за ликвидацию ядерного оружия. Решение о её создании было принято на всемирном конгрессе организации «Врачи мира за предотвращение ядерной войны»² в Хельсинки в 2007 г.³ ИКАН объединила под своей эгидой не только НПО, работающие в сфере ядерного нераспространения и разоружения, но и отдельных государственных деятелей и дипломатов.

Благодаря консолидации разных игроков в рамках ИКАН в 2016–2017 годах произошёл существенный прогресс в разработке основных положений и продвижении Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО). В 2017 г. ИКАН стала лауреатом Нобелевской премии мира. В 2021 г. ДЗЯО вступил в силу⁴. Скорость голосования по проекту этого договора в Генеральной Ассамблее Организации Объединённых Наций (ГА ООН) и быстрая ратификация свидетельствуют о существенной работе, проведённой активистами и членами ИКАН. Изучение ИКАН и её методов важно для понимания того, как современные НПО могут консолидировать усилия для лоббирования новых норм и договоров.

Феномену ТСУ и их роли в правозащитной, экологической и других областях посвящено множество работ [Keck, Sikkink 1998; Keck Sikkink 1999; Thomas 2002; Mato 2005; Kelly 2007; Trommer 2011; Strange

2011; Pieck 2013; Zayak 2017; Carson 2018; Smith, Hughes, Plummer, Duncan 2020; Crowley-Vigneau, Baykov 2020], но осмысление их роли в контексте ядерного нераспространения и запрещения ядерного оружия обладает относительной новизной. Большинство исследователей изучают роль ДЗЯО в контексте режима ядерного нераспространения [Acheson 2018; Considine 2019; Egeland 2019; Meyer and Sauer 2018; Михайленко, Дегтярев 2019]. При этом феномен ИКАН остаётся малоизученным, несмотря на наличие отдельных работ, посвящённых этой кампании. Например, её история и участие в обсуждении ДЗЯО освещаются в публикации Т. Руффа и его коллег из организации «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» [Ruff 2018]⁵. Н. Ричи и К. Эгеланд рассматривают ИКАН как «транснациональную сеть убеждения», которая сумела мобилизовать большое количество государственных и негосударственных игроков [Ritchie, Egeland 2018], используя «риторику сопротивления». В то же время Дж. Борри и ряд других экспертов предлагают обратить внимание на методы работы ИКАН и их результативность [Borrie, Spies, Wan 2018].

В российском научном сообществе особенностям формирования и деятельности международных неправительственных организаций (МНПО) посвящены работы А. Наумова, Е. Ивановой, Л. Воронкова, А. Гуторова, Е. Шагабиевой [Наумов 2009; Иванова, Иванов 2012; Воронков 2018; Гуторов 2017; Шагабиева 2010]. Отдельно в российском дискурсе изучена роль НПО как организаций глобального гражданского общества [Иванов 2010; Ефимов 2010; Стецко 2012; Евлаев, Зубков 2020 и др.].

¹ Оригинальное название The International Campaign to Abolish Nuclear Weapons (ICAN). URL: <https://www.icanw.org/> (accessed: 20.01.2022).

² Оригинальное название International Physicians for the Prevention of Nuclear War (IPPNW). URL: <https://www.ippnw.org/> (accessed: 20.01.2022).

³ International Campaign to Abolish Nuclear Weapons. URL: <https://www.ippnw.org/programs/nuclear-weapons-abolition/international-campaign-to-abolish-nuclear-weapons> (accessed: 20.01.2022).

⁴ Treaty on the prohibition of nuclear weapons. URL: <https://www.un.org/disarmament/ru/wmd/nuclear/tpnw/> (accessed: 20.04.2022).

⁵ Hawkins D., Sweeney D., Ruff T. ICAN's Origins – From little things, big things grow...// ICAN. 2019. URL: https://www.icanw.org/ican_origins (accessed: 01.02.2022).

Роли норм в контексте ядерного нераспространения были посвящены исследования Р. Прайса и Н. Танненвальд, М. Рубле и А. Коэна, М. Мюллера и К. Вундерлих, А. Виньо и И. Истомина [Price, Tannenwald 1996; Rublee, Cohen 2018; Muller, Wunderlich 2018; 2020; Виньо 2020]. Впервые в российском научном поле термин «транснациональные сети убеждения» был введен А. Виньо и А. Байковым [Виньо, Байков 2018]. Тем не менее в российском дискурсивном пространстве практически нет исследований роли гражданского общества и НПО в продвижении идей разоружения и запрещения ядерного оружия.

Цель статьи состоит в том, чтобы заполнить теоретическую лакуну и идентифицировать роль современных антиядерных ТСУ в формировании новых норм в рамках режима ядерного нераспространения на примере ИКАН. Источниковой базой исследования стали документы и материалы с официального сайта ИКАН, рабочие документы Обзорных Конференций ДНЯО (ОК ДНЯО) по рассмотрению действия договора, а также интервью с представителями антиядерных НПО. Новизна исследования заключается в том, что в российский научный дискурс введена новая интерпретация понятия «транснациональная сеть убеждения» и что на примере ИКАН были выявлены основные инструменты и принципы действия ТСУ. В первой части статьи рассмотрены теоретические основы формирования ТСУ, а также сформулированы теоретический подход к анализу ИКАН. После методологического раздела представлен эмпирический анализ ИКАН как особой модели ТСУ.

Методология исследования

Теоретической основой исследования выступают критические подходы к международной безопасности, которые включают постструктурализм, конструктивизм, феминизм и другие течения [Buzan, Hansen 2009; Bolton, Minor 2016]. Постструктурализм в понимании Л. Хансен позволяет расширить границы исследования, обращаясь к уже существующим институтам и

практикам, а также привлекая маргинализованные группы и голоса в анализируемое поле [Hansen 2010]. Исследователи, использующие этот подход, выступают за критическую деконструкцию способов, которыми «стратегические исследования» формируют «общественную сплоченность» и «узаконивают то, что считают необходимым» [Hansen 2010]. Постструктуралистский подход в широкой интерпретации позволяет проследить эволюцию норм в контексте режима ядерного нераспространения, а также конституирование образа «Другого» в практике ИКАН. Запрещение ядерного оружия является одной из важных практик по деконструированию рациональных норм. Нормы могут быть сдерживающими или разрешительными при наличии эффекта страха или альтернативного развития ситуации, могут быть конститутивными, то есть определять то, кто мы есть [Price, Tannenwald 1996]. Изучая примеры «табу» в отношении химического и ядерного оружия, Р. Прайс и Н. Танненвальд отмечают, что запретительная норма в отношении химического оружия была институционализована, в то время как ядерное оружие не было юридически запрещено. Существует только норма неприменения ядерного оружия, которая на практике имеет большую силу, чем запретительная норма в отношении химического оружия [Price, Tannenwald 1996]. ИКАН, выступая за деконструирование ограничительной нормы (неприменения) в отношении ядерного оружия, настаивает на его запрете. По мнению исследователей, это приводит к конфликту с существующими в рамках режима ядерного нераспространения нормами [Acheson 2019]. В исследовании роли практики ИКАН в трансформации традиционных норм и формировании новых в рамках режима нераспространения ядерного оружия может использоваться сочетание постструктуралистских, феминистских и конструктивистских подходов.

Представленное исследование основано на интервью с участниками НПО, работавшими в рамках Подготовительных комитетов ДНЯО в 2018 и 2019 годах, а также на

наблюдениях за участниками на конференциях и встречах, которые являлись частью деятельности ИКАН⁶. Критическая мобилизация вокруг продвижения ДЗЯО – это хороший случай для изучения деятельности ТСУ по двум причинам: 1) в ИКАН задействовано несколько сетей и НПО, что одновременно проблематизирует и развивает теоретическое переосмысление теорий ТСУ; 2) работа ИКАН на полях Подготовительных комитетов и ОК ДНЯО – это важное направление интернализации новой нормы, а именно стигматизации ядерного оружия.

Роль ИКАН в переговорном процессе ДНЯО и продвижении ДЗЯО – это важный пример для исследователя. Договор о запрещении ядерного оружия направлен на усиление статьи 6 Договора о нераспространении ядерного оружия⁷. В этой статье делается попытка ответить на два центральных вопроса: 1) какова роль НПО и ИКАН в процессе продвижения идеи запрещения ядерного оружия, лоббирования подписания и ратификации ДЗЯО и 2) насколько государства-члены ДНЯО были заинтересованы в поддержке ТСУ ИКАН и новых норм.

Исследование ИКАН как ТСУ состоит из четырёх этапов: (1) определение теоретического поля исследования; (2) анализ деятельности НПО в переговорном процессе ДНЯО; (3) определение особенностей ИКАН как ТСУ, основных направлений и методов её работы; (4) выяснение проблем и ограничений деятельности ИКАН в режиме ядерного нераспространения.

Теоретические основы ТСУ

Термин «транснациональная сеть убеждения» был введён в научный оборот М. Кек и К. Сиккинк в работе «Активисты выходят за границы: адвокативные сети в международной политике» [Keck, Sikkink 1998]. За последние двадцать лет вышло немало работ, посвящённых теоретизации и изучению конкретных ТСУ [Kelly 2007; Strange 2011; Pieck 2013; Zayak 2017; Crowley-Vigneau, Baykov 2020]. Тем не менее почти все теоретические исследования транснациональных сетей убеждения опираются на концепцию М. Кек и К. Сиккинк.

ТСУ представляют собой «формы организации, характеризующиеся добровольными, взаимными и горизонтальными моделями коммуникации и обменом мнениями» [Keck, Sikkink 1998: 8]. Так же как и адвокаты, эти сети отстаивают и защищают права других. Они могут формироваться вокруг таких важных ценностных и правозащитных тем, как права женщин и экология. Как только появляется лидер, который может предложить стратегию для решения непреодолимой задачи, эта сеть превращается в «сеть действия» [Keck, Sikkink 1998: 9]. По мнению М. Кек и К. Сиккинк, ТСУ могут включать разных участников: международные и местные негосударственные исследовательские и активистские группы, локальные социальные движения, объединения, медиа, религиозные, торговые, потребительские и интеллектуальные организации, ячейки международных организаций и представителей исполнительной и

⁶ Автором исследования в ходе работы в Подготовительных комитетах ДНЯО в качестве наблюдателя (23 апреля – 6 мая 2018 и 29 апреля – 10 мая 2019) было проведено 12 развёрнутых интервью о роли ДЗЯО в трансформации режима ДНЯО и роли ИКАН в этом процессе, 15 коротких опросов представителей делегаций и НПО. Опрос включал 3 вопроса: «Зачем нужен ДЗЯО? Вступит ли в силу ДЗЯО? Какую роль ДЗЯО играет в контексте режима ядерного нераспространения?» Большая часть представителей официальных делегаций стран, обладающих ядерным оружием стран-членов ДН отказалась давать какие-либо комментарии по этой теме. Список представителей НПО и членов официальных делегаций государств-членов ДНЯО, у которых удалось взять интервью, указан в приложении 1.

⁷ Статья 6 ДНЯО гласит: «Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем» // Договор о нераспространении ядерного оружия. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 20.04.2022).

парламентской ветвей власти. Транснациональные сети убеждения объединяют участников, которые разделяют общие ценности и общий дискурс. В центре их деятельности лежит обмен информацией и координация действий. Задача ТСУ заключается в мобилизации информации с целью создать новую информационную повестку и оказать давление на правительства и международные организации. Транснациональные сети убеждения привносят новые идеи, нормы и дискурсы в политические дебаты, служат источниками информации и аргументов. Это большие коммуникативные группы.

Деятельность ТСУ, как и любых социальных движений, может реализовываться разными путями: диффузно, когда благодаря современным технологиям идеи и движения могут начать распространяться от региона к региону, через интернализацию, или выход движения за пределы территории, государства, где оно возникло, и, наконец, посредством экстернализации, которая предполагает выход на глобальный уровень [della Porta, Tarrow 2005: 3–5].

Идеи и нормы важны для ТСУ, как и для любого социального движения. М. Кек и К. Сиккинк выделяют три причины появления ТСУ: невозможность решить вопрос на национальном уровне, появление идейных лидеров, полагающих, что формирование сети может в большей степени способствовать достижению цели, а также развитие коммуникативных средств (международные конференции, мероприятия) [Keck & Sikkink 1999]. С. Пик считает, что мобилизацию социальных движений, как и их исчезновение, можно объяснить через изучение эмоций [Pieck 2013: 123]. Коалиции формируются вокруг таких эмоций, как гнев по поводу несправедливости или исключения, чувство солидарности или надежда на перемены. Они становятся основой веры в то, что транснациональное взаимодействие может привести к желаемым социальным преобразованиям. В процессе бюрократизации, когда движение институционализируется, эмоции также могут играть важную роль. Сочувствие и соли-

дарность могут служить связующим звеном между активистами, даже несмотря на географические или культурные различия. В организациях эмоции могут дать чувство общности и цельности. Проблема исследования ТСУ состоит в том, что процесс бюрократизации может быть слабым или даже вредным, так как может привести к созданию иерархий и централизованному принятию решений, что противоречит первоначальной цели этого движения или коалиции [Pieck 2013: 124]. В целом сложно типологизировать ТСУ, поскольку каждый пример является особенным.

Транснациональные сети убеждения в своей работе используют разные инструменты: информационную политику (information politics), политику символов (symbolic politics), политику давления (leverage politics) и политику ответственности (accountability politics) [Keck & Sikkink 1999: 95–98]. Информационная политика предполагает возможность получать политический результат от используемых НПО данных [Keck & Sikkink 1998: 16]. Особенностью информационной политики НПО является то, что это «информация от первого лица», включающая в себя, например, свидетельства очевидцев [Keck & Sikkink 1998: 19]. Инструментарий информационной политики сегодня становится всё более разнообразным, к традиционным медиа добавляются социальные сети, которые всё чаще признаются в качестве важного инструмента защиты интересов [Borrie, Spies, Wan 2018: 11]. Всё больше исследователей рассматривает использование социальных сетей в массовых и социальных движениях, а также вопросы, связанные с гражданской активностью, социальным капиталом и явкой избирателей [Chalmers, Shotton 2015; Borrie, Spies, Wan 2018]. Используя политику символов, НПО находят сильные аргументы, содержащие конкретные примеры, персональные истории и образы, которые позволяют привлечь внимание аудитории, а также сплотить сторонников кампании [Keck & Sikkink 1998: 22]. Политика давления включает возможность использовать материал-

ные инструменты давления через привлечение значимых политических персоналий или через участие в международных организациях, а также нематериальные (моральные рычаги), позволяющие оказать давление на государства, которые традиционно хотели бы иметь положительный образ в глазах избирателей [Keck & Sikkink 1998: 23]. Политика ответственности нацелена на достижение конкретных результатов, выходящих за пределы «обсуждения проблемы» [Keck & Sikkink 1998: 24–25]. НПО привлекают не только представителей правительств к решению того или иного вопроса, но и работают с ними с целью достижения результата. Таким образом, политики и представители правительств берут на себя ответственность за решение вопроса.

Деятельность НПО может реализовываться в формах транснациональных групп давления (transnational pressure groups), транснациональных организаций общественного движения (transnational social movement organizations), транснациональных сетей убеждения (transnational advocative networks) и в качестве глобального гражданского общества (global civil society) [Kelly 2007]. Отличительная особенность ТСУ в сравнении с другими транснациональными движениями и группами давления заключается в примате идей или ценностей, которые лежат в основе их формирования [Kelly 2007: 87]. Если группы давления сосредоточены на внутренних лоббистских интересах, а транснациональные организации общественных движений представляют собой институционализированные формы политики глобального протеста, то сети убеждения сочетают политику убеждения и экспертизу, что позволяет им успешно работать с международными организациями и государствами.

Особенность ТСУ заключается в том, что они способны не только мобилизовать

разные типы игроков, но и побуждать государства интернализировать новые нормы, следование которым далее начинает восприниматься как само собой разумеющееся [Finnemore, Sikkink 1998: 904]. Конечной целью ТСУ является посредством социализации и институционализации сделать ту или иную норму «естественной, как законы природы» [Keck, Sikkink 1998: 35].

При анализе ТСУ важно выяснить, при каких условиях они скорее достигнут цели, а также что будет с ними после выполнения миссии. Действительно, критерием результативности транснациональных сетей убеждения может быть формирование новой повестки дня у международных организаций, изменение поведения государства, влияние на институциональные процедуры международных организаций [Keck, Sikkink 1999: 98–99]. Современные транснациональные сети убеждения, работающие на международном уровне и с международными институтами, имеют более широкий спектр вопросов и задач. По этой причине важно понимать, каков жизненный цикл современных ТСУ и какова их роль в современных международных отношениях.

Роль НПО в переговорном процессе ДНЯО

НПО активно участвуют в переговорном процессе ДНЯО. Их деятельность в контексте режима ядерного нераспространения можно условно разделить на три этапа. Первый был связан с формированием антиядерного движения и участием гражданского общества в формировании антиядерной повестки на национальном и международном уровнях с 1950-х годов до 2000 года. На ОК ДНЯО в 1995 г. было принято решение о приглашении представителей межправительственных организаций и НПО в качестве наблюдателей и о разрешении им присутствовать на заседаниях, начиная со следующей Обзорной Конфе-

⁸ Final Document. Part II. Documents issued at the Conference. 1995 Review and Extension Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. URL: http://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/2016/07/1995_FD_Part_II.pdf (accessed: 22.02.2022).

ренции⁸. Второй этап (2000–2005) характеризовался официальным участием НПО в переговорном процессе в рамках Конференций ДНЯО по рассмотрению действия Договора и Подготовительных комитетов. Третий – с 2007 по 2020 год – связан с формированием ТСУ и её деятельностью в контексте переговорного процесса ДНЯО.

Первый этап был отмечен движением гражданского общества за ядерное разоружение. В 1950-х – 1960-х годах произошла консолидация старейших антивоенных НПО и новых организаций за ядерное разоружение. Одной из первых инициатив было предложение организации «Международное бюро мира»⁹ созвать специальные сессии ООН по разоружению, за ядерное разоружение, а также признать незаконность ядерного оружия. Борьба за запрещение ядерного оружия была связана с ухудшением отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки и опасением активистов о возможном применении ядерного оружия [Santoro, Ogilvie-White 2010]. НПО выступали в качестве групп давления на национальные правительства, а также формировали общее гражданское движение за мир. Формально представители НПО и академических кругов не имели статуса на ОК ДНЯО, но могли либо участвовать в качестве внешних экспертов-консультантов в делегациях, либо неформально присутствовать в залах заседаний и общаться с делегатами¹⁰. Например, накануне и в ходе Третьей ОК ДНЯО в 1985 г. делегация США провела несколько встреч с представителями НПО. Вместе с тем часть дипломатов полагала, что участие НПО плохо влияет на процесс. Председатель ОК ДНЯО 1990 г. старался не допускать их представителей к делегатам конференции. Тем не менее неправи-

тельные организации смогли повлиять на группу неприсоединившихся стран, и те заблокировали принятие заключительного документа конференции¹¹.

Начиная с 2000 г. НПО получили возможность официально участвовать в качестве наблюдателей на ОК ДНЯО. Неправительственные организации, участвующие в ОК ДНЯО с 2000 года, можно отнести к двум типам: исследовательские и пропагандистские [Williams, Viotti 2017: 174]. Для исследовательских НПО характерно наличие организованной структуры, технических специалистов, стремление к регулярному взаимодействию с политиками на основе экспертных консультаций, активное продвижение разрабатываемых ими стратегий. Примером подобного типа НПО является Центр по изучению проблем нераспространения имени Дж. Мартина (США). В эту организацию в качестве членов входят ведущие эксперты в области ядерного нераспространения. Как правило, представители исследовательских НПО до 2000 г. активно участвовали в переговорном процессе ДНЯО в составе официальных делегаций. Пропагандистские НПО – это организации, продвигающие конкретную политику, в первую очередь, для воздействия на общественное мнение и для получения поддержки со стороны гражданского общества [Williams, Viotti 2017: 174]. Они и формируют основу антиядерного движения. Таким образом, в рамках переговорного процесса ДНЯО участвует более 200 НПО, имеющих разные подходы к вопросам ядерного нераспространения и использующие разные инструменты работы с делегациями.

Первой сетевой структурой, объединившей в 1995 г. пропагандистские неправительственные организации под своей эгидой, стала ассоциация «Ликвидация

⁹ Оригинальное название International Peace Bureau. URL: <https://www.ipb.org>. (accessed: 20.01.2022).

¹⁰ См., напр., Expert member of the German Delegation on the NPT review conference. Oral History Interview with Harold Muller. November 15, 2016. Wilson Center Digital Archives. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/177544> (accessed: 22.02.2022).

¹¹ *Pilat J.F.* Arms Control and the 1990 NPT Review Conference. Workshop Summary. Occasional Paper # 25. 1990. Los Alamos: CNSS. 16 p.

2000»¹². Она включила в себя практически все антиядерные НПО («Международное бюро мира», «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», «Международная ассоциация юристов против ядерного оружия»¹³, «Международная сеть инженеров и ученых против распространения»¹⁴ и другие). В 1996 г. в рамках деятельности организации «Ликвидация 2000» была сформулирована конвенция о запрещении ядерного оружия¹⁵. Этот документ получил поддержку Генерального секретаря ООН и был распространён среди государств-участников ООН в качестве руководства для многосторонних переговоров по ядерному разоружению. Важно отметить, что проект Конвенции послужил в дальнейшем своеобразным основанием для создания Договора о запрещении ядерного оружия. Вопрос о легитимности ядерного оружия поднимался неоднократно. В 1995 г. решение Канберрской комиссии по уничтожению ядерного оружия призвало страны, обладающие ядерным оружием, взять обязательство ликвидировать свои арсеналы¹⁶. В переговорном процессе ДНЯО эту задачу взяли на себя ряд коалиций: «Инициатива средних держав» (МПИ), «Коалиция новой повестки дня» (НАС), Форум по Статье VI (А6F). Тем не менее ещё в 1996 г. было при-

нято Консультативное заключение Международного суда ООН относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения¹⁷, которое оправдывало наличие ядерного оружия как инструмента защиты безопасности государства. Гуманитарные конференции 2012–2015 годов дали толчок к новому раунду переговоров. Деятельность по продвижению идеи запрещения ядерного оружия началась в рамках работы Рабочей группы открытого состава ООН в 2016 г. (РГОС ООН), и ИКАН активно приняла в ней участие¹⁸.

В 2005 г. по инициативе Рона Маккоя, председателя МНПО «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», была создана ИКАН, цель которой состояла в том, чтобы запретить и ликвидировать ядерное оружие. Поскольку ОК ДНЯО 2005 г. считается одной из наиболее провальных конференций обзорного цикла ДНЯО, а прогресса в процессе ядерного разоружения не было, Маккой предложил при создании ИКАН использовать успешный опыт Международной кампании по запрещению противопехотных мин, которая содействовала заключению международной конвенции благодаря совместной работе гражданского общества и правительств нескольких государств¹⁹. Первый

¹² Оригинальное название Abolition 2000. URL: <https://www.abolition2000.org/en/> (accessed: 05.01.2022).

¹³ Оригинальное название The International Association of Lawyers against Nuclear Arms (IALANA). URL: <https://www.ialana.info/> (accessed: 05.01.2022).

¹⁴ Оригинальное название International Network of Engineers and Scientists Against Proliferation (INESAP). URL: <http://www.inesap.org/what-inesap> (accessed: 05.01.2022).

¹⁵ Model Nuclear Weapons Convention. Convention on the Prohibition of the Development, Testing, Production, Stockpiling, Transfer, Use and Threat of Use of Nuclear Weapons and on Their Elimination // INESAP. 1997. URL: http://inesap.org/sites/default/files/inesap_old/publ_nwvc_english.pdf (accessed: 05.01.2022).

¹⁶ The Canberra Commission on the Elimination of Nuclear Weapons. URL: Canberra Commission on the Elimination of Nuclear Weapons (accessed: 05.01.2022).

¹⁷ Консультативное заключение Международного суда ООН относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения. Записка Генерального секретаря // Пятьдесят первая сессия ООН. 19 июля 1998. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/advisory-opinions/advisory-opinions-1996-ru.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

¹⁸ Решение Генеральной Ассамблеи ООН об открытии работы Рабочей группы открытого состава: United Nations. General Assembly. Seventieth session. First Committee. Agenda item 97 (bb). General and complete disarmament: taking forward multilateral nuclear disarmament negotiations. 29 October 2015. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/1com/1com15/resolutions/L13Rev1.pdf> (accessed: 14.02.2022).

¹⁹ Hawkins D., Sweeney D., Ruff T. ICAN's Origins – From little things, big things grow...// ICAN. 2019. URL: https://www.icanw.org/ican_origins (accessed: 01.02.2022).

офис ИКАН был открыт в Мельбурне в 2006 году, ещё один – в Осло в 2010-м. Благодаря финансированию, в основном со стороны правительства Норвегии, в период 2010–2015 годов ИКАН смогла привлечь сотрудников, базирующихся в Женеве, для расширения охвата и координации кампании первоначально в Европе, а потом на Ближнем Востоке и в Африке. В ходе ОК ДНЯО в 2010 г. страны-участницы выразили глубокую озабоченность «катастрофическими гуманитарными последствиями»²⁰ любого применения ядерного оружия. Это заявление привело к созыву трёх конференций в 2013 и 2014 годах, посвящённых гуманитарным последствиям ядерных взрывов. ИКАН выступала в качестве координатора НПО на каждой конференции. Представители этой кампании активно работали в рамках дискуссионных заседаний РГОС ООН в 2016 г. с целью формирования конкретных предложений по продвижению ядерного разоружения. В мае 2016 г. в ходе второго раунда работы РГОС ООН ИКАН координировала консультативные встречи представителей НПО²¹. В результате работы гуманитарных конференций и рекомендаций РГОС ООН было решено создать в 2017 г. Конференцию ООН для согласования текста юридически обязывающего договора о запрещении ядерного оружия²². Обсуждение и разработка положений текста ДЗЯО прошли в ООН в Нью-Йорке в марте, июне и июле 2017 г. с участием более 135 стран, Международного комитета Красного Кре-

ста (МККК) и членов организаций гражданского общества. 7 июля 2017 г. за принятие ДЗЯО проголосовало 122 государства. Он был открыт для подписания 20 сентября 2017 года, а после получения 50 ратификаций вступил в силу 22 января 2021 года. В декабре 2017 г. ИКАН получила Нобелевскую премию мира. К 2017 г. кампания включала в себя 468 партнёрских организаций в 101 стране [Ruff 2018: 5–6], в декабре 2021 г. у кампании было уже 607 партнёров²³.

Таким образом, ИКАН, подхватив идею по разработке ДЗЯО, смогла консолидировать большую часть НПО, работающих в переговорном процессе ДНЯО, а также успешно использовать сетевые формы работы с гражданским обществом и официальными делегациями.

Особенности деятельности ИКАН

Официальным стартом кампании в рамках переговорного процесса ДНЯО можно считать участие ИКАН в ОК ДНЯО в 2010 году, на полях которой страны-участницы выразили глубокую озабоченность «катастрофическими гуманитарными последствиями применения ядерного оружия»²⁴. Антиядерное движение существует достаточно давно, большое количество НПО участвует в переговорном процессе Договора о нераспространении ядерного оружия. Как отмечалось ранее, в качестве наблюдателей участвуют разные типы неправительственных организаций: пропагандистские и исследовательские. В контексте переговорного процесса ДНЯО есть

²⁰ Final document NPT (Vol.II). 2010 Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons to Review the Treaty, 2010. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/451/51/PDF/N1045151.pdf?OpenElement>. P. 721 (accessed: 14.02.2022).

²¹ May session of the 2016 open-ended working group on nuclear disarmament // Reaching Critical Will. URL: <https://www.reachingcriticalwill.org/disarmament-fora/owwg/2016/may>. (accessed: 14.02.2022).

²² Резолюция A/RES/71/258. Продвижение вперед процесса многосторонних переговоров по ядерному разоружению, 2016. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/258> (дата обращения: 27.02.2022).

²³ Partner Organizations // ICAN [website], <https://www.icanw.org/partners> (accessed: 01.12.2021).

²⁴ Final Document. Volume I. Part I. Review of the operation of the Treaty, as provided for in its article VIII (3), taking into account the decisions and the resolution adopted by the 1995 Review and Extension Conference and the Final Document of the 2000 Review Conference. Conclusions and recommendations for follow-on actions. Part II. Organization and work of the Conference. New York, 2010 // UN. URL: [http://undocs.org/NPT/CONF.2010/50%20\(VOL.I\)](http://undocs.org/NPT/CONF.2010/50%20(VOL.I)) (accessed: 01.12.2021).

ещё условное разделение НПО на сторонников контроля над вооружениями, которые в большей степени представлены исследовательскими организациями, и сторонников ядерного разоружения, которые включают всех антиядерных активистов и часть исследовательских НПО. ИКАН смогла объединить обе группы организаций, участвуя в качестве координатора в конференциях, посвящённых гуманитарным вопросам.

Формированию ТСУ способствовало несколько причин. *Во-первых*, речь идёт о нарастании противоречий в переговорном процессе ДНЯО по поводу реализации статьи 6 Договора. Внутри переговорного процесса не только сформировались группы НПО, лоббирующие ядерное разоружение, но и возник новый дискурс вокруг гуманитарных последствий применения ядерного оружия. *Во-вторых*, научно-исследовательские институты и неправительственные организации начали активно формулировать и продвигать его в научном поле, усиливая аргументацию в пользу ядерного разоружения²⁵. *В-третьих*, среди государств, не обладающих ядерным оружием, сформировалась группа государств-активистов, которые выступили не только инициаторами продвижения гуманитарной инициативы по ядерному разоружению, но и донорами для ИКАН и поддерживающих кампанию НПО. Норвегия, Швеция, Австрия, Мексика, Новая Зеландия выразили активную поддержку этой инициативе. Наконец, ИКАН привлекла в организационный комитет главных координаторов неправительственных организаций в переговорном процессе ДНЯО — Женскую лигу за мир и свободу и ряд других активных организаций. Так сформировалась сеть, которая, в отличие от МНПО и различных групп давления, объединила разнородный состав участников. В её состав вошли ИКАН и несколько НПО, входившие в руководящую группу, ряд госу-

дарств, в частности и те, кто подписал первое «совместное заявление о гуманитарном измерении ядерного разоружения», сделанное Подготовительным комитетом ДНЯО в 2012 году, а также ряд межправительственных организаций и аналитических центров (таких как Институт Организации Объединённых Наций по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР), Международный комитет Красного Креста и расположенный в Осло Институт международного права и политики) [Ritchie, Egeland 2018: 10].

Международная кампания по запрещению ядерного оружия выступила как создатель новых норм, разрушающих рационалистские интерпретации в ядерном дискурсе. В их число входят такие принципы, как «неприменение ядерного оружия», «неприобретение ядерного оружия» или «нераспространение», «разоружение» [Ruble, Cohen 2018] и «политическая сдержанность», предполагающая отказ от использования угрозы применения ядерного оружия [Muller, Wunderlich 2020: 173]. Эти нормы сформировались внутри режима ядерного нераспространения. Соблюдение норм укрепляет идентичность государств и их статус как законных членов международного сообщества и/или как государств некоторого типа [Price, Tannenwald 1996]. Процесс оспаривания норм идёт внутри режима ДНЯО непрерывно. Споры между участниками Договора о нераспространении ядерного оружия происходят по многим статьям, разные группы государств предлагают различные варианты развития режима ядерного нераспространения. Аморальность ядерного оружия, опасность спекуляций на теориях сдерживания, патриархальность режима ДНЯО, в котором существуют «старшие» государства, отвечающие за безопасность мира, стали основой для нового дискурса ИКАН. Гуманитарный дискурс подрывает леги-

²⁵ Humanitarian Impact of Nuclear Weapons // UNIDIR. URL: <https://unidir.org/projects/humanitarian-impact-nuclear-weapons-2> // UN. URL: [http://undocs.org/NPT/CONF.2010/50%20\(VOL.I\)](http://undocs.org/NPT/CONF.2010/50%20(VOL.I)) (accessed: 01.02.2022).

тимность ядерного оружия, а гендерный анализ ядерного дискурса помогает деконструировать ядерное оружие как символ власти и инструмент господства. Обладание ядерным оружием как эмблемой мужской силы является гендерно обусловленной социальной конструкцией, призванной поддерживать существующий порядок [Acheson 2018: 4]. ИКАН не просто создаёт гуманитарные нормы внутри режима ядерного нераспространения, а деконструирует традиционные устои внутри режима ДНЯО.

Сформировавшийся новый дискурс внутри переговорного процесса ДНЯО получил развитие в инициативе по запрещению ядерного оружия. ИКАН начала работу в рамках конференций по гуманитарным вопросам, в которых участвовали представители как государств, не обладающих ядерным оружием (НЯОГ), так и представители исследовательских центров и институтов (также участие принимали НПО). Участие в конференциях рассматривалось многими государствами как необходимость поиска новых форм коллективных действий для снижения неизбежных ядерных рисков. Каждая из стран-организаторов (Норвегия, Мексика и Австрия) пыталась не только собрать государства и НПО для выявления рисков, связанных с ядерным оружием, но и выработать политико-правовые нормы для дальнейшей ликвидации ядерного оружия²⁶. В то же время государства, обладающие ядерным оружием (ЯОГ), и их союзники заявляли о необходимости действовать в рамках Плана действий 2010 г. ОК ДНЯО, отметившей подтверждение государствами, обладающими

ядерным оружием, своего недвусмысленного обязательства осуществить, на основе принципа необратимости, полную ликвидацию своих ядерных арсеналов, ведущую к ядерному разоружению²⁷. В п. 81 документа предлагалось «рассмотреть вопрос» о переговорах по рамочному соглашению по ядерному оружию. Великобритания и США как ЯОГ, участвовали только на третьей конференции, посвящённой гуманитарным вопросам, в Австрии в 2014 году. В дальнейшем они отказались участвовать в обсуждениях гуманитарных вопросов. ЯОГ настаивали на «постепенном процессе разоружения, учитывающем международную ситуацию», в связи с чем они открыто выступали против ДЗЯО²⁸. По этой причине внесение обсуждения ДЗЯО в повестку дня работы Подготовительных конференций 2018–2019 годов, а дальше на ОК-2020 ДНЯО стало важной задачей ИКАН. Только на полях Конференций ДНЯО можно было привлечь ЯОГ к обсуждению данной инициативы.

ИКАН практикует различные методы работы. Если обратиться к классификации М. Кек и К. Сиккинк [Keck & Sikkink 1999: 95–98], то можно проследить, как она использует различные практики в рамках политики символов, политики давления и политики ответственности на двух уровнях: общественно-просветительском и дипломатическом (табл. 1).

Антигуманность ядерного оружия – сильный аргумент в рамках политики символов. С 2007 г. ИКАН занималась распространением информации о ядерной опасности, а также призывала гражданское общество принимать участие в формирова-

²⁶ См. оценку работы гуманитарных конференций Послом Австрии Александром Кменттом [Kmentt 2015].

²⁷ Конференция 2010 г. участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. Заключительный документ. Т. I. Ч. I. Рассмотрение действия Договора в соответствии с пунктом 3 его статьи VIII с учётом решений и резолюции, принятых Конференцией 1995 г. по рассмотрению и продлению действия Договора, и Заключительного документа Конференции 2000 г. по рассмотрению действия Договора. Выводы и рекомендации в отношении последующих действий. NPT/CONF.2010/50 (Vol.I). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/390/23/PDF/N1039023.pdf?OpenElement>. С. 14–16.

²⁸ P5 Joint Statement on the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. URL: <https://www.gov.uk/government/news/p5-joint-statement-on-the-treaty-on-the-non-proliferation-of-nuclear-weapons> (accessed: 20.01.2022).

Таблица 1
Методы работы ИКАН

Методы работы ИКАН / Уровни деятельности	Информационная политика (information politics)	Политика символов (symbolic politics)	Политика давления (leverage politics)	Политика ответственности (accountability politics)
Общественно-просветительский	информационные материалы о катастрофических последствиях применения ядерного оружия (сайт, буклеты, социальные сети); конференции, семинары	символизм сопротивления; символизм неравенства; феминистский дискурс (борьба с патриархией в контексте ядерного оружия)	привлечение СМИ для освещения вопросов; привлечение к кампании известных медийных личностей; антиядерные шествия, митинги	работа с парламентариями стран; координация работы с другими НПО
Дипломатический	аналитическая работа с исследователями НПО и подготовка совместных материалов; аналитические материалы для обзорных конференций ДНЯО.	проведение мероприятий на полях конференций ДНЯО (side-events) с привлечением хиабакуши (выживших после ядерной атаки 1945 г.)	совместная работа с дипломатами НЯОГ по выработке алгоритма воздействия на представителей ЯОГ; выступление от лица всех НПО по вопросу запрещения ядерного оружия на конференциях ДНЯО	работа в рамках рабочей группы открытого состава ООГ (2016–2017); проведение совместных встреч с представителями ЯОГ и НЯОГ на полях конференций; координация работы НПО, консолидация НПО в переговорном процессе ДНЯО

Источник: составлено автором на основании классификации М. Кек и К. Сиккинк [Keck, Sikkink 1999].

нии безъядерного мира. Кампания регулярно организует конференции, семинары, выставки, показы фильмов о ядерном оружии и его катастрофических последствиях. Важное направление деятельности ИКАН состоит в информировании о гуманитарных последствиях ядерного взрыва, что, в свою очередь, нацелено на изменение психоэмоционального состояния общест-венности²⁹. Кроме печатных брошюр, в свободном доступе также находятся короткометражные видеоролики³⁰, призывающие не только ознакомиться с катастрофическими последствиями ядерного взрыва, но и стать частью Международной

кампании по запрещению ядерного ору-жия. На первой странице веб-сайта ИКАН был размещён «мем» с участием актёра Мартина Шина, заявившего, что он счита-ет себя сторонником ИКАН, в котором го-ворится, что «если бы Ганди и Мартин Лютер Кинг-младший были живы сегодня, они были бы частью ИКАН» [Ritchie, Egeland 2018: 13].

Описание возможных последствий ядер-ного взрыва — одно из главнейших направ-лений в деятельности организации. Гума-нитарная инициатива стала рассматривать-ся в качестве «дипломатии сопротивле-ния», цель которой заключается в подрыве

²⁹ Catastrophic humanitarian harm // ICAN. URL: <http://www.icanw.org/wp-content/uploads/2012/08/CHN-Booklet-WEB-2015.pdf> (accessed: 10.01.2022); Unspeakable suffering — the humanitarian impact of nuclear weapons // ICAN. URL: <http://www.icanw.org/wp-content/uploads/2012/08/Unspeakable.pdf> (accessed: 10.01.2022).

³⁰ “Time to abolish nuclear weapons” // Vimeo. 2010. URL: <https://vimeo.com/11047167> (accessed: 10.01.2022); “Million Pleas” // Vimeo. 2011. URL: <https://vimeo.com/14532530> (accessed: 10.01.2022).

«ядерной гегемонии» через «фундаментальную нормативную перезагрузку» [Ritchie, Egeland 2018]. Особенность дипломатии сопротивления ИКАН состоит в соединении антиядерной риторики и гендерных вопросов. Несправедливость режима ядерного нераспространения стала рассматриваться в том числе через призму феминистского дискурса, согласно которому ядерное оружие – это элемент патриархии [Acheson 2019].

Цель политики давления и дипломатии сопротивления ИКАН заключается не только в изменении дискурса вокруг ядерного оружия, но и в оказании влияния на поведение государств. Они подразумевают привлечение средств массовой информации для формирования общественного мнения. На сайте организации опубликована подробная инструкция относительно общения с журналистами на тему запрета ядерного оружия. Ключевым моментом при работе со СМИ является формирование как можно более чётких и кратких формулировок вопросов и проблем (как указано в инструкции, самый логичный способ для освещения основных проблем – дебаты среди активистов, экспертов и журналистов)³¹. Также в документе предложена «карта сообщений» (message map), которая представляет собой перечень аргументов в ответ на скептические высказывания о ДЗЯО³².

Политика ответственности нацелена на вовлечение более влиятельных игроков для продвижения идей и норм [Keck, Sikkink 1999: 97–98]. На сайте ИКАН указано, что в настоящий момент к призыву организации о запрете ЯО присоединилось уже почти 1600 парламентариев по всему миру³³. Здесь же дана подробная инструкция для обоснования точки зрения сторонников ДЗЯО в рамках деятельности парла-

ментов разных стран. На сайте организации есть инструкция, описывающая, как можно присоединиться к «Парламентской инициативе» (ICAN Parliamentary Pledge), которая представляет собой «обязательство парламентариев всего мира работать над содействием подписанию и ратификации ДЗЯО соответствующими странами»³⁴. Подписать этот документ может любой действующий член национального, государственного / муниципального или регионального парламента или конгресса из любой страны мира.

На дипломатическом уровне ИКАН использовала как аналитические методы работы, так и лоббистские уже в ходе самих Конференций. До 2012 г. Международная кампания по запрещению ядерного оружия специализировалась на аналитической работе. В 2013–2015 годах представители ИКАН занимались анализом информации, подготовкой документов и отчётов о возможности продвижения ДЗЯО. В этот же период времени начался обмен информацией с правительствами НЯОГ. Важным моментом стала совместная работа на гуманитарных конференциях с государствами и аналитическими НПО, например с Чатем Хаус³⁵, СИПРИ и ЮНИДИР. На ОК ДНЯО 2015 г. Председатель конференции г-жа посол Таус Ферухи пыталась собрать неформальную группу из ведущих государств по выработке раздела по ядерному разоружению. Столкнувшись с полным отсутствием согласия, Председатель остановила переговоры за два дня до окончания конференции и объявила, что под свою ответственность подготовит итоговый документ. Для многих государств текст, представленный Председателем, не оправдал ожиданий в отношении ядерного разоружения и важности гуманитарной инициативы [Kmentt 2015 : 703]. Тем не менее

³¹ Media. ICAN campaigners meeting // ICAN. URL: http://www.icanw.org/wp-content/uploads/2012/08/WEB_media_final.pdf (accessed: 11.01.2022).

³² Ibid.

³³ Full list of pledge takers // ICAN. URL: https://pledge.icanw.org/full_list_of_pledge_takers https://pledge.icanw.org/full_list_of_pledge_takers (accessed: 11.01.2022).

³⁴ Parliamentary Pledge // ICAN Australia. URL: <https://icanw.org.au/pledge/> (accessed: 11.01.2022).

³⁵ Организация признана нежелательной на территории Российской Федерации.

работа на ОК ДНЯО 2015 г. продемонстрировала, что гуманитарная инициатива теперь прочно вошла в международную повестку дня и, следовательно, должна быть неотъемлемой частью будущей многосторонней работы над ядерным оружием [Kmentt 2015 : 704]. После провала ОК ДНЯО в 2015 г. сформировался консенсус между НЯОГ и ИКАН. Появилась идея о том, что к ядерному разоружению можно идти «без участия ядерных держав» [Mekata 2018 : 82]. Все прошлые усилия были направлены на государства, обладающие ядерным оружием. Сложилось понимание, что «надо двигаться вперед в этом направлении, не оглядываясь на те государства, которые не готовы участвовать» [Mekata 2018 : 82].

На дипломатическом уровне политика символов реализуется в рамках параллельных заседаний (side-events) конференций ДНЯО. Как правило, на эти заседания приглашаются антиядерные активисты из Японии, хibaкуши (жертвы атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в 1945 году)³⁶, которые рассказывают о своих переживаниях и впечатлениях о последствиях атомной атаки.

Политика давления в рамках переговорного процесса ДНЯО реализуется совместно с представителями НЯОГ. В связи с закрытостью ИКАН можно предположить, что проходят встречи с дипломатами НЯОГ по выработке алгоритма воздействия на представителей ЯОГ. Публичное дипломатическое давление на конференциях ДНЯО

выражается в выступлениях представителей ИКАН от лица всех НПО по вопросу запрещения ядерного оружия³⁷. В 2019 г. выступление ИКАН было произнесено на русском языке³⁸, так как его зачитывал представитель казахстанского НПО Алимжан Ахметов, что также можно рассматривать как политику давления на дипломатов постсоветского пространства.

В рамках действия рабочей группы открытого состава ООН в 2016–2017 годах представители ИКАН занимались сбором информации, формированием позиций и подготовкой аналитических материалов. НЯОГ, поддерживающие ИКАН, выступали в качестве переговорщиков. Таким образом, ИКАН выступала консолидирующим органом, предоставлявшим аргументацию государствам, которые непосредственно участвовали в переговорном процессе.

Отличительная особенность ИКАН как современной ТСУ заключается в совмещении традиционных форм активизма, таких как антиядерные митинги и шествия, с высокой степенью использования информационных технологий в продвижении идей и освещении событий. Социальные сети *Twitter*, *Facebook* и *Instagram*³⁹ являются важными информационными инструментами для сторонников разоружения. Рэй Ачесон, одна из координаторов Международной женской лиги за мир и свободу и член координационного совета ИКАН, использует хэштег «#NuclearBan» во всех своих публикациях⁴⁰.

³⁶ См., напр., Identifying concrete steps to move forward nuclear disarmament // Calendar of side events for the 2018 NPT Preparatory Committee. URL: <http://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom18/documents/Hiroshima-Prefecture-side-event.pdf> (accessed: 20.04.2022).

³⁷ Statement of the International Campaign to Abolish Nuclear Weapons (ICAN) to the Non-Proliferation Treaty Preparatory Committee. Geneva, 25 April 2018. Delivered by Ms. Isabella Vargas // Reaching Critical Will. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom18/statements/25April_ICAN.pdf (accessed: 01.02.2022).

³⁸ Выступление Международной кампании за уничтожение ядерного оружия по вопросам ДНЯО. Третий Подготовительный Комитет Десятой Обзорной Конференции ДНЯО. Нью-Йорк, 1 мая 2019 года // URL: Reaching Critical Will. URL: https://reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom19/statements/1May_ICAN.pdf (accessed: 01.02.2022).

³⁹ Признаны экстремистскими и запрещены на территории Российской Федерации.

⁴⁰ Reaching Critical Will on Twitter, https://twitter.com/RCW_/status/1480887219007143937?t=TraTtCbckEuKDnOWdRfQUA&s=08 (accessed: 11.01.2022).

В управленческой команде Международной кампании по запрещению ядерного оружия много молодых и высококвалифицированных специалистов, что позволяет использовать технологичный подход к управлению сетью. На закрытых сессиях ИКАН на полях Подготовительных комитетов ОК ДНЯО в 2018–2019 годах было видно, что её члены поделены по региональным зонам ответственности и каждый ответственный за конкретный регион должен проводить работу с представителями стран–участниц ДНЯО этой зоны/региона. В целом координационный комитет ИКАН проводит существенную организационную работу с использованием широкого инструментального арсенала средств, включая современные технологии.

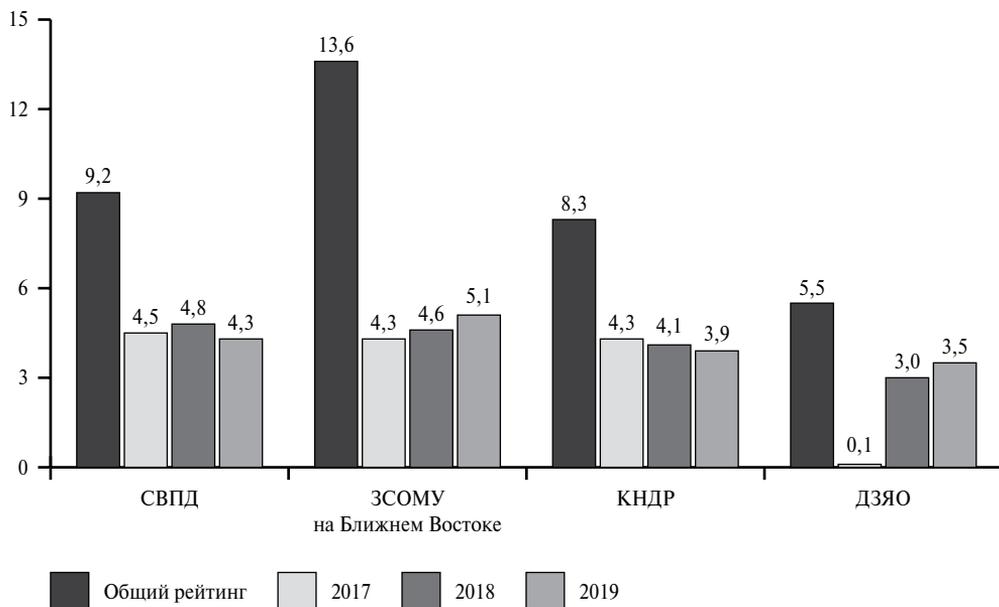
Дипломатия ИКАН

ИКАН как одна из сильных и масштабных ТСУ сформировалась благодаря участию в работе на полях Подготовительных комитетов и ОК ДНЯО. Неудовлетворённость результатами Обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия в 2005 году, появление гуманитарного дискурса в 2010 году, а также отсутствие консенсуса по результатам ОК ДНЯО в 2015 г. позволили консолидироваться разным игрокам вокруг идеи запрещения ядерного оружия. ДЗЯО как самостоятельный договор не сможет иметь серьёзного значения, в том числе в интернализации норм, без признания его действенным и важным инструментом реализации статьи 6 ДНЯО всеми странами–участницами. По этой причине работа ИКАН на полях ООН относится к ключевым. Влияние Международной кампании по запрещению ядерного оружия не только на дискурс внутри ОК ДНЯО, но и на формирование дипломатических решений зависит от степени вовлечённости государств–членов в работу этой ТСУ.

Переговорный процесс Договора о нераспространении ядерного оружия – это сложный комплекс взаимоотношений государств и групп государств, НПО, межправительственных и региональных групп.

М. Мюллер и К. Вундерлих пишут о расколе между странами–участницами ДНЯО по их ценностным установкам и намерениям реформировать режим [Muller, Wunderlich 2018]. ЯОГ относятся к категории государств, движимых стратегическими интересами. Они намерены сохранить статус-кво. Напротив, Лига арабских государств занимает позицию радикальных реформаторов. ИКАН смогла привлечь те государства, которые М. Мюллер называет «добросовестными создателями консенсуса» (common good-driven bridge-builders) [Muller, Wunderlich 2018: 11–15]. Это малые и средние государства, которые по своей специфике стараются сохранять режим ДНЯО и искать консенсус. Активность в области разоружения и контроля над вооружениями – это составная часть их идентичности. Эти государства демонстрируют желание реформировать, а не заменить существующую нормативную структуру ДНЯО и работают над укреплением норм режима изнутри. Данные, собранные на полях Подготовительных комитетов Обзорной конференции участников Договора о нераспространении ядерного оружия в 2018–2019 годах, показали, что представители последней группы охотно шли на интервью. Представители делегаций Австрии, Мексики, Ирландии, Южной Африки и Новой Зеландии неоднократно повторяли, что поддерживают оптимизм ИКАН, считают ДЗЯО важным договором, нацеленным на формирование новых норм запрещения ядерного оружия и на усиление статьи 6 ДНЯО, а также говорили о продуктивности своего взаимодействия с НПО. В кулуарах представители этих делегаций активно вели разъяснительную работу с представителями других делегаций и демонстративно поддерживали представителей координационного совета ИКАН. Тем не менее, когда один из представителей координационного совета ИКАН, Тим Райт, обратился к Кейт Доннелли, представителю Новой Зеландии, действовать более радикально и вывести ЯОГ «из зоны комфорта», та ответила, что НЯОГ продолжают работать в продвижении разоружения и что

Рисунок 1
Частота упоминаний «ДЗЯО» на Конференциях ДНЯО в 2017–2019 годах, в %

Источник: составлено И. Адами и Е.Б. Михайленко на основе анализа документов Подготовительных комитетов ДНЯО в 2017–2019 годах [Адами, Вербицкая, Гилева и др. 2020: 156]⁴².

«дискомфорт уже существует»⁴¹. Представители ЯОГ и дипломаты стран Африки, за исключением Южно-Африканской Республики, а также представители государств Ближнего Востока старались избегать каких-либо комментариев.

Анализ документов Подготовительных конференций ОК ДНЯО за 2017–2019 годы демонстрирует рост числа упоминаний ДЗЯО (рис. 1). Вместе с тем количество упоминаний ДЗЯО существенно проигрывает другим темам, таким как Североко-

рейская ядерная проблема, формирование зоны, свободной от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке, Иранская ядерная программа. В связи с тем что в 2022 г. должна пройти первая Конференция по рассмотрению действий ДЗЯО, есть высокая вероятность, что тематика запрета ядерного оружия может стать маргинальной на Конференциях ДНЯО. Есть понимание, что НЯОГ, поддерживающие ИКАН, не заинтересованы в серьёзном обострении переговорного процесса, хотя

⁴¹ Вопрос был задан на мероприятии «Panel discussion on the nexus between the nuclear weapons ban treaty and Article VI of the Non-Proliferation Treaty» в ходе дискуссии с участниками 25 апреля 2018 г. (18.00–20.00), Женева, Дом мира.

⁴² Составлено по результатам классической текстовой статистики инструмента программного обеспечения IRaMuTeQ. Цель — сравнительно проиллюстрировать динамику повышения или понижения релевантности использования термина «ДЗЯО» от одной конференции к другой. Значения выявлены путём пересечения различных факторов. Фактор 1 (необработанная частота) является вертикальным и указывает на интенсивность, с которой термин упоминается. Фактор 2 (частота текста) является горизонтальным и указывает на количество различных речей по количеству различных состояний, о которых было упомянуто. Фактор 3 (сегменты текста) рассчитывается программным обеспечением как гибрид вертикального и горизонтального факторов.

и будут настаивать на выполнении обязательств ЯОГ в области разоружения.

Государства, обладающие ядерным оружием, негативно встретили инициативы ИКАН. ЯОГ считают ДЗЯО «опасным и подрывающим основы ДНЯО» и призывают к поэтапному процессу разоружения, учитывающему современные вызовы безопасности⁴³. Несмотря на то что ДЗЯО ратифицирован более чем 50 государствами мира, он не подписан и не ратифицирован собственно теми государствами, на ком лежит ответственность за обладание ядерным оружием. Остаётся вопрос, что будет дальше с ядерным оружием? Запрещение ядерного оружия не означает его автоматическую ликвидацию. Всё чаще в дискуссиях возникает вопрос о том, какова судьба ДЗЯО и будет ли ликвидировано ядерное оружие в действительности.

По составу участников видно, что ИКАН – это широкая ТСУ. В Международную кампанию по запрещению ядерного оружия входят не только отдельные НПО, но и сети, такие как «Ликвидация 2000». Интервью с участниками активистских неправительственных организаций показало, что они продолжают свою работу независимо от ИКАН и что у них есть свои интересы и цели. Например, в ходе интервью с Джеки Кабассо⁴⁴, входящей в координационный комитет сети «Ликвидация 2000», стало понятно, что многие её участники считают поспешной идею продвижения ДЗЯО. В предложении о формировании конвенции, запрещающей ядерное оружие в 1995 году, была заложена идея о том, что ЯОГ должны были стать основными участниками переговорного процесса по ней. ИКАН, перехватив идею, упростила процесс формулировки текста ДЗЯО и его дальнейшей ратификации, исключив из обязательных условий подписания и ратификации договора ЯОГ. Ребекка

Джонсон, представитель британского НПО «Акроним», считает⁴⁵, что Международная кампания по запрещению ядерного оружия сделала всё правильно, а время сети «Ликвидация 2000» прошло. В 2019 г. в Нью-Йорке большинство интервьюируемых представителей НПО оптимистично выступали в поддержку ДЗЯО.

Сложно прогнозировать, насколько прочным будет альянс антиядерных НПО и исследовательских центров. Несмотря на участие в ИКАН, они продолжают самостоятельную работу в рамках общественной деятельности и на полях ООН. Если говорить об исследовательских НПО, то, как правило, они формально или неформально поддерживают Международную кампанию по запрещению ядерного оружия. Вместе с тем многочисленные публикации этих неправительственных организаций, посвящённые ДЗЯО, содержат осторожные прогнозы относительно этого договора, несмотря на своевременность и важность вопроса. Джон Борри, представитель ЮНИДИР, поддерживая в целом гуманитарную инициативу, ИКАН и ДЗЯО, ставит больше вопросов, чем даёт ответов о будущем режима ДНЯО⁴⁶. Анализ публикационной активности, посвящённой Договору о запрещении ядерного оружия, демонстрирует противоречивые тенденции. Данные о числе публикаций по этой теме в рецензируемых журналах демонстрирует, что в 2018–2019 годах был всплеск активности в отношении ДЗЯО. Запрещение ядерного оружия устойчиво вошло в аналитическое поле. Тем не менее количество публикаций после 2020 г. по этому вопросу идёт на спад, что говорит о смещении акцентов на другие темы (рис. 2).

ИКАН стала успешной ТСУ, поскольку гуманитарная составляющая и спасение человечества от ядерной войны остаются важными символами, которые могут ис-

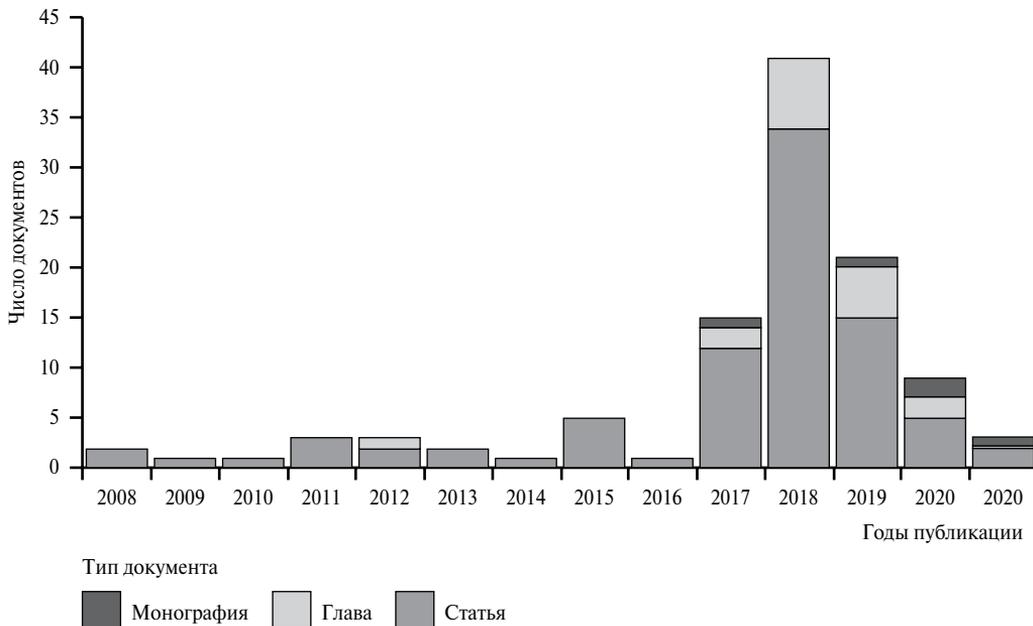
⁴³ Statement by China, on Behalf of the P5 States. General Debate. 2019 NPT PrepCom, May 1, 2019. URL: <http://statements.unmeetings.org/media/2/21491982/china-behalfofthep5states-general-debate.pdf> (accessed: 20.01.2022).

⁴⁴ Интервью с Джеки Кабассо 30.04.2018, ООН, Женева, Швейцария.

⁴⁵ Интервью с Ребеккой Джонсон 27.04.2018. ООН, Женева, Швейцария.

⁴⁶ Интервью с Джоном Борри 02.05.2018. ООН, Женева, Швейцария.

Рисунок 2
Количество работ, посвященных ДЗЯО

Источник: составлено автором на основе анализа баз данных научной литературы в поисковой системе «lens.org»⁴⁷.

пользоваться этой кампанией. Формально она выполнила свою миссию, создав ДЗЯО. Тем не менее сможет ли долго сохраняться эта ТСУ? Сложно дать однозначный ответ, но, вероятнее всего, нет. ИКАН как ТСУ включала в свой состав ряд сочувствующих государств, но опыт с Норвегией показал, что смена правительства может привести к окончанию финансовой поддержки. На парламентских выборах осенью 2013 г. к власти пришло консервативное правительство. Несмотря на первоначальное обещание продолжить работу по продвижению разоружения, вскоре стало очевидно, что новое правительство дистанцировалось от прежней политики [Mæland, Akhtar 2019: 327].

Начиная с 2015 г. правительство Норвегии перестало выделять гранты на поддержку норвежского офиса ИКАН [Mæland, Akhtar 2019: 328]. НЯОГ, которые поддерживали ИКАН, не заинтересованы в создании непреодолимого конфликта внутри режима ядерного нераспространения, хотя и стремятся оказать давление на ЯОГ с целью ядерного разоружения. По этой причине НЯОГ, скорее всего, займут более консервативную позицию в рамках переговорного процесса ДНЯО и будут сдерживать радикализм антиядерных НПО. Сокращение финансирования ИКАН также может привести к снижению активности кампании. Участие государств сделало её сильной, но зависимость от их дипломатиче-

⁴⁷ lens.org — это онлайн-ресурс для поиска научной литературы, предоставляемый некоммерческой организацией Cambia, расположенной в Австралии. Для анализа данных используется широкий массив баз данных научной литературы (включая данные WoS и Scopus). Для поиска были использованы следующие комбинации на английском языке: «Договор о запрещении ядерного оружия» ИЛИ «Запрет ядерного оружия» ИЛИ ДЗЯО.

ского курса может помешать дальнейшему существованию этой ТСУ.

Устойчивость транснациональных сетей убеждения также зависит от того, насколько нежесткой будет работа координационного штаба ИКАН. В состав ТСУ ИКАН входит большое количество НПО, имеющих противоречия по ряду вопросов. Неправительственные организации консолидировались вокруг вопроса запрещения ядерного оружия. Тем не менее по ряду других вопросов, в том числе по вопросам разоружения, консенсуса достичь сложно. Большинство НПО продолжают свою работу в рамках обзорного цикла ДНЯО, будут публиковать собственные предложения и аналитические работы, но если вопрос ДЗЯО уйдёт с повестки дня Обзорных конференций Договора о нераспространении ядерного оружия, то постепенно координирующая роль ИКАН станет менее существенной.

* * *

Деятельность ИКАН в сфере ядерного нераспространения, мобилизация антиядерных НПО и формирование транснациональной сети убеждения представляют несомненный интерес для исследователя. Социальные движения, их ценностные ориентиры и методы оказывают всё большее влияние на практику мировой политики. Настоящая статья была нацелена на расширение теоретического поля, связанного с деятельностью современных ТСУ. ИКАН — показательный пример кампании, которой удалось мобилизовать практически все антиядерные НПО. Важно отметить, что условием успешности деятельности этой ТСУ является привлечение дипломатов и представителей государств для продвижения своих идей.

Деятельность современных ТСУ характеризуется сочетанием общественно-политической деятельности с элементами дипломатического участия. Инструменты давления становятся более технологичными и инструментальными. Современные ТСУ активно используют социальные сервисы.

Создание новых норм представляет собой одну из целей транснациональных сетей убеждения. ИКАН, вводя норму запрещения ядерного оружия, деконструирует норму ядерного табу и традиционных терминов «сдерживание» и «стратегическая стабильность», а также работает над созданием нового «справедливого» дискурса внутри переговорного процесса ДНЯО.

Международная кампания по запрещению ядерного оружия — это одна из успешных ТСУ, работающих в области ядерного нераспространения. Обоснование идеи запрещения ядерного оружия, а далее — лоббирование подписания и ратификации ДЗЯО, продемонстрировали, что ИКАН смогла перейти от общественной деятельности и аналитической работы к дипломатии, включив в свою сеть НЯОГ.

Результатом деятельности ИКАН стало формирование научного дискурса о ДЗЯО, продвижение тематики ДЗЯО в рамках переговорного процесса ДНЯО. В 2017 г. ИКАН получила Нобелевскую премию мира, что говорит об успехе этой ТСУ. Тем не менее есть основания полагать, что Международная кампания по запрещению ядерного оружия и её координирующая роль в переговорном процессе ДНЯО может стать менее значимой в силу смещения интересов государств и переместиться обратно в сторону общественно-просветительской деятельности.

Список литературы

- Адами И. М., Вербицкая Т.В., Гилева П.Л., Гусейнов К.К., Дегтярёв Н.С., Золотарёв Ф.Е., Казанцева А.Д., Лапанович Е.А., Михайленко В.И., Михайленко Е.Б., Муратшина К.Г., Порядина Е.С. Договор о запрещении ядерного оружия: формирование нового режима? Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. 180 с.
- Виньо А., Байков А.А. Почему государства заимствуют экологические нормы: опыт России // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 4(55). С. 137–153. DOI 10.17994/ИТ.2018.16.4.55.8.

- Воронков Л.С.* Международные межправительственные и неправительственные организации в системе международных отношений. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2018. 354 с.
- Гуторова А.Н.* Международные неправительственные организации: понятие, виды и роль в современном мире // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 4(73). С. 154–164. DOI 10.21869/2223-1560-2017-21-4-154-164.
- Евлаев А.Н., Зубков С.А.* Глобальное гражданское общество и его роль в решении экологических проблем // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. № 2(79). С. 80–91.
- Ефимов О.И.* Глобальное гражданское общество: характеристики и противоречия // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12. № 4(59–60). С. 379–384.
- Иванов В.Г.* Глобальное гражданское общество: становление нового актора мировой политики. Ч. 1 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 4. С. 106–115.
- Иванова Е.Н., Иванов В.И.* Взаимодействие международных неправительственных организаций с ООН и межправительственными организациями // Вестник РГГУ. Серия: Международные отношения. Зарубежное регионоведение. 2012. № 19(99). С. 57–67.
- Истомин И.А., Виньо А.* Технологическая неопределённость нормы в области контроля над вооружениями // Будущее мировой политики: технологии, конфликты, институты / Под ред. А.А.Сушенцова, И.В.Фомина, У.К.Уолфорфа. М.: Весь Мир, 2020. С. 115–161.
- Михайленко Е.Б., Дегтярёв Н.С.* Эволюция идеи запрещения ядерного оружия в контексте режима ядерного нераспространения // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62(62). С. 115–127. DOI: 10.17223/19988613/62/14.
- Наумов А.О.* Международные неправительственные организации в современной мирополитической системе. М.: Красанд, 2009. 272 с.
- Стецко Е.В.* «Глобальное управление» и роль неправительственных организаций в его становлении // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 4(25). С. 110–115.
- Шагабиева Е.М.* Международные неправительственные организации: их виды, особенности, категории и характеристика // Власть. 2010. № 9. С. 94–96.
- Acheson R.* Impact of the nuclear ban: how outlawing nuclear weapons is changing the world // Global Change, Peace and Security. 2018. Vol. 30. No.1. P. 243–250. DOI: 10.1080/14781158.2018.1465907.
- Acheson R.* The nuclear ban and the patriarchy: a feminist analysis of opposition to prohibiting nuclear weapons // Critical Studies on Security. 2019. Vol. 7. No. 1. P. 78–82. DOI: 10.1080/21624887.2018.1468127.
- Bolton M., Minor E.* The discursive turn arrives in Turtle Bay: the international campaign to abolish nuclear weapons' operationalization of critical IR theories // Global Policy. 2016. Vol. 7. No. 3. P. 385–395.
- Borrie J., Spies M., Wan W.* Obstacles to understanding the emergence and significance of the treaty on the prohibition of nuclear weapons // Global Change, Peace and Security. 2018. Vol. 30. No. 2. P. 95–119. DOI: 10.1080/14781158.2018.1467394.
- Buzan B., Hansen L.* The Evolution and International Security Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 384 p.
- Carson L.* Why youth and feminist activism matters: insights from anti-nuclear campaigns in practice // Global Change, Peace and Security. 2018. Vol. 30. No. 2. P. 261–269. DOI: 10.1080/14781158.2018.1467395.
- Considine L.* The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the question of nuclear meaning // Critical Studies on Security. 2019. Vol. 7. No. 1. P. 87–90. DOI: 10.1080/21624887.2018.1468131.
- Crowley-Vigneau A., Baykov A.* Transnational expertise and experience networks and Russia's environmental policies // Mezhdunarodnye protsessy. 2020. Vol. 18. No. 1(60). P. 106–118. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.6.
- Egeland K.* Introduction: the nuclear ban treaty as negation of negation // Critical Studies on Security. 2019. Vol. 7. No. 1. P. 69–72. DOI:10.1080/21624887.2018.1468102.
- Finnemore M., Sikkink K.* International norm dynamics and political change // International Organization. 1998. Vol. 52. No. 4. P. 887–917. DOI: <https://doi.org/10.1162/002081898550789>.
- Hansen L.* Poststructuralism and Security // The International Studies Encyclopedia: Volume IX / ed.by R. Denemark, R. Marlin-Bennett. Malden, MA, USA: Wiley-Blackwell, 2010. P. 5876–5892.
- Keck M.E., Sikkink K.* Activists beyond borders: advocacy networks in international politics. New York: Cornell University Press, 1998. 228 p.
- Keck M.E., Sikkink K.* Transnational advocacy networks in international and regional politics // International Social Science Journal. 1999. Vol. 51. No. 159. P. 89–101.

- Kelly R.E.* From International Relations to Global Governance Theory: Conceptualizing NGOs after the Rio Breakthrough of 1992 // *Journal of Civil Society*. 2007. Vol. 3. No. 1. P. 81–99. DOI: 10.1080/17448680701390786.
- Kmentt A.* The development of the international initiative on the humanitarian impact of nuclear weapons and its effect on the nuclear weapons debate // *International Review of the Red Cross*. 2015. Vol. 97. No. 899. P. 681–709. DOI:10.1017/S1816383116000059.
- Mato D.* Social production of representations of ideas of civil society: The role of transnational networks of local and global actors // *Comparative American Studies An International Journal*. 2005. Vol. 3. No. 4. P. 470–494. DOI: 10.1177/1477570005058962.
- Mæland J.G., Akhtar S.* Collaboration and confrontation: the Norwegian humanitarian initiative experience // *Medicine, Conflict and Survival*. 2018. Vol. 34. No. 4. P. 324–329. DOI: 10.1080/13623699.2018.1560622.
- Mekata M.* How Transnational Civil Society Realized the Ban Treaty: An Interview with Beatrice Fihn // *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*. 2018. Vol.1. No. 1. P. 79–92. DOI: 10.1080/25751654.2018.1441583.
- Meyer P., Sauer T.* The Nuclear Ban Treaty: A Sign of Global Impatience // *Survival*. 2018. Vol. 60. No. 2. P. 61–72. DOI: 10.1080/00396338.2018.1448574.
- Müller M., Wunderlich C.* Not lost in contestation: How norm entrepreneurs frame norm development in the nuclear nonproliferation regime // *Contemporary Security Policy*. 2018. Vol. 39. No. 3. P. 341–366. DOI: 10.1080/13523260.2017.1394032.
- Müller M., Wunderlich C.* Nuclear Disarmament without the Nuclear-Weapon States // *Daedalus*. 2020. Vol. 149. No. 2. P. 171–189.
- Pieck S.K.* Transnational Activist Networks: Mobilization between Emotion and Bureaucracy // *Social Movement Studies*. 2013. Vol. 12. No. 2. P. 121–137. DOI:10.1080/14742837.2012.664423
- Price R., Tannenwald N.* Norms and Deterrence: The Nuclear and Chemical Weapons Taboo // *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* / ed. by P. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. P. 114–152.
- Ritchie N.* Inventing nuclear disarmament // *Critical Studies on Security*. 2019. Vol. 7. No. 1. P. 73–77. DOI: 10.1080/21624887.2018.1468083.
- Ritchie N., Egeland K.* The diplomacy of resistance: power, hegemony and nuclear disarmament // *Global Change, Peace and Security*. 2018. Vol. 30. No. 2. P. 121–141. DOI: 10.1080/14781158.2018.1467393.
- Rublee M.R., Cohen A.* Nuclear norms in global governance: A progressive research agenda // *Contemporary Security Policy*. 2018. Vol. 39. No. 3. P. 317–340. DOI: 10.1080/13523260.2018.1451428.
- Ruff T.* Negotiating the UN treaty on the prohibition of nuclear weapons and the role of ICAN // *Global Change, Peace and Security*. 2018. Vol. 30. No. 2. P. 233–241. DOI: 10.1080/14781158.2018.1465908.
- Santoro D., Ogilvie-White T.* Introduction: The Dynamics Of Nuclear Disarmament // *The Nonproliferation Review*. 2010. Vol. 17. No.1. P. 17–21. DOI: 10.1080/10736700903484645.
- Smith J., Hughes M.M., Plummer S., Duncan B.* Inter-organizational relations in transnational environmental and women's activism: multilateralists, pragmatists, and rejectionists // *Globalizations*. 2020. Vol. 18. No. 2. P. 300–320. DOI: 10.1080/14747731.2020.1789028.
- Strange M.* Why Network Across National Borders? TANs, their Discursivity, and the Case of the Anti-GATS Campaign // *Journal of Civil Society*. 2011. Vol. 7. No. 1. P. 63–79. DOI: 10.1080/17448689.2011.553432.
- Thomas D.C.* Boomerangs and Superpowers: International Norms, Transnational Networks and US Foreign Policy // *Cambridge Review of International Affairs*. 2002. Vol. 15. No. 1. P. 25–44. DOI: 10.1080/09557570220126225.
- Transnational Protest and Global Activism* / ed. by D. della Porta, S. Tarrow. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2005. 304 p.
- Trommer S.* Activists beyond Brussels: Transnational NGO Strategies on EU–West African Trade Negotiations // *Globalizations*. 2011. Vol. 8. No. 1. P. 113–126. DOI: 10.1080/14747731.2011.544214.
- Williams R.E., Viotti P.R.* Arms control: history, theory, and policy. Santa Barbara: ABC-CLIO, LLC, 2012. 440 p.
- Zajak S.* Rethinking Pathways of Transnational Activism // *Global Society*. 2017. Vol. 31. No. 1. P. 125–143. DOI: 10.1080/13600826.2016.1235549.

Приложение

Интервью

Развернутые интервью

1. Интервью с Ребеккой Джонсон 27.04.2018 (Ms. Rebecca Johnson, Acronym Institute for Disarmament Diplomacy);
2. Интервью с Дженет Фентон 28.04.2018 (Ms. Janet Fenton, Scottish Campaign for Nuclear Disarmament, Acronym Institute for Disarmament Diplomacy);
3. Интервью с Джекки Кабассо 30.04.2018 (Ms. Jacqueline Cabasso, Western States Legal Foundation, Abolition 2000);
4. Интервью с Представитель Российского Пагуошского комитета 02.05.2018;
5. Интервью с Джоном Борри 02.05.2018 (Mr. John Borrie, United Nations Institute for Disarmament Research);
6. Интервью с Аллисон Патлак 25.04.2019 (Ms. Allison Pytlak, Women's International League for Peace and Freedom, ICAN);
7. Интервью с Шарон Долев 26.04.2019 (Ms. Sharon Dolev, British American Security Information Council (BASIC));
8. Интервью с Алимжаном Ахметовым 03.05.2019 (Mr. Alimzhan Akhmetov, Center for International Security and Policy, ICAN, Казахстан);
9. Интервью с Энтони Донован 08.05.2019 (Mr. Anthony Donovan, Pax Christi International);
10. Интервью с Кристианом Чиобану 08.05.2019 (Mr. Christian N. Ciobanu, PEAC Institute);
11. Интервью с Анн Фриш 09.05.2019 (Dr. Ann Frisch, Rotarian Action Group for Peace);
12. Интервью с Алис Слейтер 09.05.2019 (Ms. Alice Slater, Nuclear Age Peace Foundation).

Опросы представителей НПО и официальных делегаций

1. Тарик Рауф (Mr. Tariq Rauf, Geneva Centre for Security Policy (GCSP) (27.04.2018);
2. Mr. Yasuhito Fukui, Hiroshima Peace Institute (28.04.2018);
3. Представитель делегации Мексики (30.04.2018);
4. Представитель делегации Австрии (30.04.2018);
5. Представитель делегации Ирландии (01.05.2018);
6. Представитель делегации Новой Зеландии (01.05.2018);
7. Представитель делегации Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (03.05.2019);
8. Представитель делегации Аргентины (09.05.2019);
9. Представитель делегации Австралии (30.04.2019);
10. Представитель делегации Буркина-Фасо (30.04.2019);
11. Представитель делегации Японии (02.05.2019);
12. Представитель делегации Южной Африки (04.05.2019);
13. Представитель делегации Швеции (02.05.2019);
14. Представитель делегации ЕС (03.05.2019);
15. Представитель делегации ОДВЗЯИ (30.04.2019).

FROM ADVOCACY TO DIPLOMACY

THE CASE OF THE INTERNATIONAL CAMPAIGN TO ABOLISH NUCLEAR WEAPONS

EKATERINA MIKHAYLENKO

Ural Federal University, Ekaterinburg, 620002, Russia

Abstract

The International Campaign to Abolish Nuclear Weapons (ICAN) has become known for its active engagement in the drafting and promotion of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons (TPNW). The success of the campaign is related to the fact that not only other anti-nuclear non-governmental organizations (NGOs), but also a number of state figures and diplomats have joined the campaign. ICAN is a "transnational advocacy network" (TAN) that has managed to engage a significant pool of state and non-state stakeholders (actors). This paper aims to explore the ICAN phenomenon and identify the features of this transnational advocacy network. The study is based on documents and materials drawn from the official ICAN website, working papers from the NPT Review Conferences, as well as interviews with representatives of anti-nuclear NGOs. The novelty of the study consists in the fact that a new interpretation of the concept of "transnational advocacy network" was introduced into Russian academic discourse and the main instruments and principles of TAN were identified on the basis of the ICAN example. The research of ICAN was carried out according to three bullet-points: (1) analysis of NGO activities in the NPT negotiation process; (2) identification of the features of ICAN as a TAN, the main trends and methods of work; (3) problems and limitations of ICAN. A hallmark of today's TANs is that they combine advocacy and examination, allowing such coalitions to work successfully with international organizations and states. ICAN is an interesting case study because there has been a convergence of interests between a number of states and anti-nuclear NGOs. However, the question still remains how long will it be able to keep functioning in the TAN format and continue to frame the agenda of the NPT Conferences? The drive to ban nuclear weapons, and then to lobby for the signing and ratification of the NPT, demonstrated that ICAN had moved from public activity to direct diplomacy. Nevertheless, there is reason to assume that ICAN and its coordinating role in the NPT negotiation process may become less important as the focus and interests of states shift back to public outreach activities.

Keywords:

ICAN; transnational advocacy network; TAN; regime; NPT; TPNW; NGOs; prohibition of nuclear weapons; nuclear norms.

References

- Acheson R. (2018). Impact of The Nuclear Ban: How Outlawing Nuclear Weapons Is Changing The World. *Global Change, Peace and Security*. Vol. 30. P. 243–250. DOI: 10.1080/14781158.2018.1465907.
- Acheson R. (2019). The Nuclear Ban and The Patriarchy: A Feminist Analysis of Opposition To Prohibiting Nuclear Weapons. *Critical Studies on Security*. Vol. 7. No.1. P. 78–82. DOI: 10.1080/21624887.2018.1468127.
- Adami I., Verbitskaya T., Gileva P., Guseynov K., Dyagterev N., Zolotarev F., Kazantseva A., Lapanovich E., Mikhaylenko V., Mikhaylenko E., Muratshina K., Poryadina E. (2020). *Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya: formirovanie novogo rezhima?* [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Formation of a New Regime?]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 180 p.
- Bolton M., Minor E. (2016). The discursive turn arrives in Turtle Bay: the international campaign to abolish nuclear weapons' operationalization of critical IR theories. *Global Policy*. Vol. 7. No. 3. P. 385–395.

- Borrie J., Spies M., Wan W. (2018). Obstacles to Understanding the Emergence and Significance of The Treaty on The Prohibition of Nuclear Weapons. *Global Change, Peace and Security*. Vol. 30. No. 2. P. 95–119. DOI: 10.1080/14781158.2018.1467394.
- Buzan B., Hansen L. (2009). *The Evolution and International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press. 384 p.
- Carson L. (2018). Why Youth and Feminist Activism Matters: Insights from Anti-Nuclear Campaigns in Practice. *Global Change, Peace and Security*. Vol. 30. No.2. P. 261–269. DOI: 10.1080/14781158.2018.1467395.
- Considine L. (2019). The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Question Of Nuclear Meaning. *Critical Studies on Security*. Vol. 7. No. 1. P.87–90. DOI: 10.1080/21624887.2018.1468131.
- Crowley-Vigneau A., Baykov A. (2018). Pochemu gosudarstva zaimstvuyut ekologicheskie normy: opyt Rossii [Transnational Networks and Russia's Environmental Policies]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 4(55). P. 137–153. DOI 10.17994/IT.2018.16.4.55.8.
- Crowley-Vigneau A., Baykov A. (2020). Transnational expertise and experience networks and Russia's environmental policies. *Mezhdunarodnye Protsessy*. Vol. 18. No. 1(60). P. 106–118. DOI 10.17994/IT.2020.18.1.60.6.
- della Porta D., Tarrow S. (eds.). (2005). *Transnational Protest & Global Activism*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 304 p.
- Efimov O. I. (2010). Global'noe grazhdanskoe obshchestvo: harakteristiki i protivorechiya [Global civil society: characteristics and contradictions]. *Lichnost'. Kultura. Obschestvo*. Vol.12. No. 4(59-60). P. 379–384.
- Egeland K. (2019). Introduction: The Nuclear Ban Treaty as Negation of Negation. *Critical Studies on Security*. Vol. 7. No. 1. P. 69–72. DOI: 10.1080/21624887.2018.1468102.
- Evlaev A. N., Zubkov S. A. (2020). Global'noe grazhdanskoe obshchestvo i ego rol' v reshenii ekologicheskikh problem [Global civil society and its role in solving environmental problems]. *Poisk: Politika. Obschestvovedenie. Iskusstvo. Sociologiya. Kultura*. Vol. 2. No. 79. P. 80–91.
- Finnemore M., Sikkink K. (1998). International Norm Dynamics and Political Change. *International organization*. Vol. 52. No. 4. P. 887–917. DOI: <https://doi.org/10.1162/002081898550789>.
- Gutorova A. N. (2017). Mezhdunarodnye nepravitel'stvennyye organizatsii: ponyatie, vidy i rol' v sovremennom mire [International non-governmental organizations: concept, types and role in the modern world]. *Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 4. No. 73. P. 154–164. DOI: 10.21869/2223-1560-2017-21-4-154-164.
- Hansen L. (2010). Poststructuralism and Security. In: Denemark R., Marlin-Bennett R. (eds.) *The International Studies Encyclopedia: Volume IX*. Malden, MA, USA: Wiley-Blackwell. P. 5876–5892.
- Istomin I., Crowley-Vigneau A. (2020). Tekhnologicheskaya neopredelennost' normy v oblasti kontrolya nad vooruzheniyami [Technological Uncertainty of the Norm in Arms Control]. In: Sushentsov A., Fomin I., Wolforth W. (eds.). *Budushchee mirovoj politiki: tekhnologii, konfliktki*. Moscow: Ves' mir. P. 115–161.
- Ivanov V.G. (2010). Global'noe grazhdanskoe obshchestvo: stanovlenie novogo aktora mirovoj politiki. CHast' 1 [Global Civil Society: Formation of a New Actor in World Politics. Part 1]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*. No. 4. P. 106–115.
- Ivanova E. N., Ivanov V. I. (2012). Vzaimodejstvie mezhdunarodnykh nepravitel'stvennykh organizatsiy s OON i mezhpriavitel'stvennyimi organizatsiyami [Interaction of international non-governmental organizations with the UN and intergovernmental organizations]. *Vestnik RGGU. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie*. Vol. 19. No. 99. P. 57–67.
- Keck M.E., Sikkink K. (1998). *Activists Beyond Borders: Advocacy Networks In International Politics*. New York: Cornell University Press. 228 p.
- Keck M.E., Sikkink K. (1999). Transnational Advocacy Networks in International and Regional Politics. *International Social Science Journal*. Vol. 51. P. 89–101.
- Kelly R. E. (2007). From International Relations to Global Governance Theory: Conceptualizing NGOs after the Rio Breakthrough of 1992. *Journal of Civil Society*. Vol. 3. No. 1. P. 81–99. DOI: 10.1080/17448680701390786.
- Kmentt A. (2015). The development of the international initiative on the humanitarian impact of nuclear weapons and its effect on the nuclear weapons debate. *International Review of the Red Cross*. Vol. 97. No. 899. P. 681–709. DOI:10.1017/S1816383116000059.
- Mato D. (2005). Social Production of Representations of Ideas of Civil Society: The Role of Transnational Networks of Local and Global Actors. *Comparative American Studies. An International Journal*. Vol. 3. No. 4. P. 470–494. DOI: 10.1177/1477570005058962.
- Mæland J. G., Akhtar S. (2018). Collaboration and confrontation: the Norwegian humanitarian initiative experience. *Medicine, Conflict and Survival*. Vol. 34. No. 4. P. 324–329. DOI: 10.1080/13623699.2018.1560622.

- Mekata M. (2018). How Transnational Civil Society Realized the Ban Treaty: An Interview with Beatrice Fihn. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*. Vol.1. No.1 P. 79–92. DOI: 10.1080/25751654.2018.1441583.
- Meyer P., Sauer T. (2018). The Nuclear Ban Treaty: A Sign of Global Impatience. *Survival*. Vol.60. No. 2. P. 61–72. DOI: 10.1080/00396338.2018.1448574.
- Mikhaylenko E.B., Degtyarev N.S. (2019). Evolyutsiya idei zapreshcheniya yadernogo oruzhiya v kontekste rezhima yadernogo nerazprostraneniya [The Evolution of The Prohibition of Nuclear Weapons Idea In The Context Of The Nuclear Non-Proliferation Regime]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 62(62). P. 115–127. DOI: 10.17223/19988613/62/14.
- Müller M., Wunderlich C. (2018). Not lost in contestation: How norm entrepreneurs frame norm development in the nuclear nonproliferation regime. *Contemporary Security Policy*. Vol. 39. No. 3. P. 341–366. DOI: 10.1080/13523260.2017.1394032.
- Müller M., Wunderlich C. (2020). Nuclear Disarmament without the Nuclear-Weapon States. *Daedalus*. Vol. 149. No. 2. P. 171–189.
- Naumov A.O. (2009). *Mezhdunarodnye nepravitel'stvennye organizacii v sovremennoj miropoliticheskoj sisteme* [International Non-Governmental Organizations in the Modern World Political System]. Moscow: Krasand. 272 p.
- Pieck S. K. (2013). Transnational Activist Networks: Mobilization between Emotion and Bureaucracy. *Social Movement Studies*. Vol. 12. No. 2. P. 121–137. DOI:10.1080/14742837.2012.664423.
- Price R., Tannenwald N. (1996). Norms and Deterrence: The Nuclear and Chemical Weapons Taboo. In: Katzenstein P. (ed.) *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. New York: Columbia University Press. P. 114–152.
- Ritchie N. (2019). Inventing Nuclear Disarmament. *Critical Studies on Security*. Vol. 7. No. 1. P. 73–77. DOI: 10.1080/21624887.2018.1468083.
- Ritchie N., Egeland K. (2018). The Diplomacy of Resistance: Power, Hegemony And Nuclear Disarmament. *Global Change, Peace and Security*. Vol. 30. No. 2. P. 121–141. DOI: 10.1080/14781158.2018.1467393.
- Rublee M. R., Cohen A. (2018). Nuclear norms in global governance: A progressive research agenda. *Contemporary Security Policy*. Vol. 39. No. 3. P. 317–340. DOI: 10.1080/13523260.2018.1451428.
- Ruff T. (2018). Negotiating The UN Treaty on The Prohibition of Nuclear Weapons and The Role of ICAN. *Global Change, Peace and Security*. Vol. 30. No. 2. P. 233–241. DOI: 10.1080/14781158.2018.1465908.
- Santoro D., Ogilvie-White T. (2010). Introduction: The Dynamics Of Nuclear Disarmament. *The Nonproliferation Review*. Vol. 17. No. 1. P. 17–21. DOI: 10.1080/10736700903484645.
- Shagabieva E. M. (2010). Mezhdunarodnye nepravitel'stvennye organizacii: ih vidy, osobennosti, kategorii i harakteristika [International non-governmental organizations: their types, features, categories and characteristics]. *Vostok*. Vol. 9. P. 94–96.
- Smith J., Hughes M. M., Plummer S., Duncan B. (2020). Inter-Organizational Relations in Transnational Environmental and Women's Activism: Multilateralists, Pragmatists, and Rejectionists. *Globalizations*. Vol. 18. No. 2. P. 300–320. DOI: 10.1080/14747731.2020.1789028.
- Stetsko E. V. (2012). "Global'noe upravlenie" i rol' nepravitel'stvennykh organizatsij v ego stanovlenii ["Global governance" and the role of non-governmental organizations in its development]. *Obschestvo. Sreda. Razvitie*. Vol. 4. No. 25. P. 110–115.
- Strange M. (2011). Why Network Across National Borders? TANs, their Discursivity, and the Case of the Anti-GATS Campaign. *Journal of Civil Society*. Vol. 7. No. 1. P. 63–79. DOI: 10.1080/17448689.2011.553432.
- Thomas D. C. (2002). Boomerangs and Superpowers: International Norms, Transnational Networks and US Foreign Policy. *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 15. No. 1. P. 25–44. DOI: 10.1080/09557570220126225.
- Trommer S. (2011). Activists beyond Brussels: Transnational NGO Strategies on EU–West African Trade Negotiations. *Globalizations*. Vol. 8. No. 1. P. 113–126. DOI: 10.1080/14747731.2011.544214.
- Voronkov L. S. (2018). *Mezhdunarodnye mezhpavitel'stvennye i nepravitel'stvennye organizatsii v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenij* [International intergovernmental and non-governmental organizations in the system of international relations]. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnykh otnoshenij (universitet) Ministerstva inostrannykh del Rossijskoj Federacii. 354 p.
- Williams R.E., Viotti P.R. (2012). *Arms Control: History, Theory, and Policy*. Santa Barbara: ABC-CLIO, LLC. 440 p.
- Zajak S. (2017). Rethinking Pathways of Transnational Activism. *Global Society*. Vol. 31. No.1. P. 125–143. DOI: 10.1080/13600826.2016.1235549.